

ФАРХАД И ШИРИН

Было не было, но давным-давно, когда звери и птицы умели разговаривать, а розы были заколдованными девушками, жил в далекой стране бедняк.

Был у бедняка сын Фархад.

Стал бедняк стар, почувствовал он приближение смерти, позвал сына и говорит:

— Нет у нас ни золота, ни серебра, ничего не оставляю тебе в наследство, сын мой, кроме этого кетменя. Будешь трудиться — будешь счастлив. Прощай. Вместе со мной похорони вот этот ларец, не открывай его, а то случится несчастье.

Умер бедняк.

Не выполнил завета отца Фархад — открыл из любопытства ларец. Нашел он в нем небольшое зеркало.

Заглянул в него Фархад. Видит цветущий луг, а по лугу гуляют красавицы и среди них одна — прелестная, словно пери. Не мог оторвать от нее взора Фархад и упал без чувств.

Долго пролежал бы Фархад, если бы к нему не зашел его друг Шапур.

Видит Шапур, что лежит его друг, как мертвый, крепко зажав в руке зеркало.

Взял зеркало Шапур и увидел красавицу с лицом пери, с глазами газели, с волосами, подобными сиянию. Солнце и луна спорили: есть ли такая прекрасная девушка на свете.

Выбежал на улицу Шапур, зачерпнул из арыка прохладной воды и плеснул ее на лицо Фархада. Пришел в себя Фархад, увидел в руках Шапура зеркало и сразу вспомнил о неведомой красавице. И стал Фархад грустнее ночи. Тоскует, ничего не ест.

Долго он предавался грусти или нет, но решили они с Шапуром идти искать прекрасную пери.

Много гор и степей прошли, во многих городах побывали.

И вот однажды они пришли в город Беговат. Кругом высились высокие горы. Посмотрел Фархад и удивился. Хоть и было лето, но деревья стояли желтые и листья их осыпались, как глубокой осенью. Поля высохли, и растения поблекли. У иссохшего канала, изнуренные тяжким трудом, стояли худые люди. Кетменями они долбили скалу.

— Эй, что вы за люди,— крикнул Фархад,— и для чего долбите скалу?

И рассказали люди, что вот уже три года, как они начали пробивать в скале арык, чтобы пустить воду в город и дать жизнь полям и садам, изнемогающим от зноя и горячего ветра гармсиля.

Три года проливают слезы и пот люди, изнывая от непосильного труда, но несокрушимая, точно железо, скала не поддается, и все усилия тщетны.

— Друг мой, Шапур,— сказал Фархад,— люди эти умирают от голода и жажды.

И Фархад, засучив рукава, взял в руки отцовский кетмень и ударил в скалу.

Много сил было в руках Фархада, но не дрогнула скала, а кетмень разломался на части.

В гневе приказал Фархад принести ему все кирки и кетмени, раздул горн и, переплавив их, выковал вместе с Шапуром один большущий кетмень, который не могли бы поднять и сто человек.

Взял Фархад одной рукой кетмень, взмахнул раз, взмахнул два — получился канал больше того, который копали люди три года. Еще раз ударил Фархад кетменем, ударил два—и задрожала гора. Скалы рухнули. Обрадовались люди и бросились помогать Фархаду.

Городом Беговат правила в ту пору султанша Гульчехра, и была у нее любимая племянница Ширин.

Посмотрела Ширин с высокой башни и видит — могучий богатырь сокрушает гору. Побежала Ширин к своей тетке Гульчехре и, ластясь так и эдак, упросила поехать посмотреть на богатыря.

— Ведь я дала клятву выйти замуж за того, кто повернет Сыр-Дарью в

Голодную степь,— говорила Ширин.

Так увлекся Фархад работой, что не заметил, как подъехала султанша Гульчехра с Ширин.

Остановился Фархад утереть пот на лице, глянул на приехавших, а тут ветер открыл покрывало с лица Ширин — и он увидел ту самую пери, которая была в зеркале.

Сказал только «ох!» Фархад — и упал без чувств на землю.

Удивились все: что с Фархадом? Только верный друг Шапур знал, в чем дело, да не смел сказать.

Пришел в себя Фархад, смотрит на Ширин, глаз не может оторвать, Застыдилась Ширин, глянула только на Фархада лукаво из-под ресниц, подобных острым стрелам.

И вдруг подняла коня девушка на дыбы и помчалась прочь. Споткнулся конь и захромал, подбежал Фархад, подхватил одной рукой коня вместе с Ширин, взвалил себе на плечи и пустился бегом. Добежал до дворца и опустил коня с прекрасной принцессой около ворот.

Ушел Фархад, ничего не сказав Ширин и не посмотрев на нее. Удивилась красавица, и почему-то на сердце ее стало грустно.

А чем дальше уходил Фархад, тем тяжелее становилось ему. «Разве может полюбить тонкостанная, рожденная в бархате и шелку, меня, простого каменотеса».

Не вернулся он к арыку, а пошел на гору, сел на камень, склонив на руки голову.

А в тот самый час султанша Гульчехра готовила пир в честь безвестного строителя. Бросились гонцы искать Фархада. Искали, искали, но так все и вернулись к султанше ни с чем. Только последний гонец разыскал его на самой вершине горы.

Привели Фархада во дворец, усадили на почетном месте.

Фархад не знал, что и делать, так рад он был увидеть Ширин.

Начинался веселый пир. Звенели дутары. Девушки, стройные как газели,

танцевали. Юноши играли в борьбу. Все было прекрасно: и песни, и яства, и танцы, только не было Ширин. Все мрачнее и печальнее становился Фархад. Но вот вышла к гостям Ширин. Сияние озарило лицо гостей. Все веселее звучала музыка, быстрее кружились танцовщицы. Но ни на кого не смотрели Фархад и Ширин. Во время всего пира они ничего не пили, не ели, только глядели друг на друга.

Как вдруг приехали послы из царства Иран. Молва о красоте Ширин неслась по всему свету и дошла до падишаха той страны — старого, плешивого Хосрова. Решил заполучить Хосров юную жемчужину и заслал к Гульчехре сватов. Печаль сменила веселье, замолкли напевы златострунного саза, не слышно было смеха. Знала Гульчехра, что, если откажет она Хосрозу, будет страшен его гнев, пойдет он войной на Беговат, разоряя селения и поля на своем пути. — Эй, женщина, — сказал посол Гульчехре, — мой господин, царь Парей Хосрв, встал у границ твоего государства с многотысячным вайском. Хосрв сказал: «Пусть царевна Ширин разделит со мной ложе, а если нет — камня на камне я не оставлю от Беговата, а надменная Ширин и ты с веревками на шее пойдут за моим конем. Отвечай!»

Склонила Гульчехра голову и сказала послам:

— Принцесса Ширин еще молода, она робка и пуглива, как дикая коза джейран, Ширин любит стрелы, коней и охоту. Ширин не думает о замужестве. Страшно разгневался Хосров на отказ и с огромным войском двинулся на город султанши Гульчехры.

Черной тучей придвинулась к стенам Беговата орда Хосрова.

Забили большие барабаны войны, загудели медные трубы, запылали костры.

Побежали горожане на городские стены отбиваться от врага.

— Не место мне здесь, в городе, — сказал себе Фархад, — не подобает мне, мужчине, прятаться от вражеских стрел.

Пошел Фархад на гору, выломал своим гигантским кетменем два утеса, каждый величиной с дом, и давай их подбрасывать и ловить руками.

Удивились вражеские воины, побледнели, затряслись от страха, побежали к

Хосрову.

— Великий шах,— сказали они,— там страшный див на горе играет скалами, точно яблоками.

Вышел Хосров из шатра, поглядел из-под ладони, видит — действительно на горе стоит могучий богатырь и швыряет к небу целые утесы.

— Эгей, человек,— закричал Хосров,— кто ты такой и что ты делаешь там на горе?

— Я камнеметатель,— отвечает Фасхад, я дыхание его даже и не участилось, хоть каждый утес был весом по сорок пудов.— Уходи, шах Хосроп. прочь отсюда со своими воинами, а не то я начну вот эти игрушки в твой лагерь бросать.

Не испугался Хосров. Приказал сорока отборным воинам в золотых шлемах и с золотыми щитами пойти на гору и привести Фэрхада живым или мертвым.

Кинулись сорок воинов на гору. Швырнул в них Фархад скалу, и не осталось от них даже пылинки.

Рассвирепел шах Хосров. Послал еще сорок отборных воинов, но и их постигла такая же участь.

Хотел Хосров послать тогда на Фархада все свое многотысячное воинство, но тут склонился к уху шаха хитроумный визирь и проговорил:

— Недостойно великому шаху с могучим войском сражаться с каким-то каменотесом. Победишь ты Фархада, о шах,— славы тебе не прибавится, победит тебя, да не допустит аллах этого, Фархад — позор ляжет на твою голову.

— Что же ты советуешь?—сердясь, сказал Хосров — Скорее, иначе я позову палача и...

— Зачем же звать палача,— ответил хитроумный визирь,— где нельзя победить мечом, там можно победить умом. О ша.ч, ты хочешь получить руку красавицы Ширин. Она мечтает о счастье народа и, говорят, дала клятву, что выйдет замуж за того, кто первый проложит через гору канал и пустит воду на изнывающие от засухи земли Голодной степи.

Еще больше рассердился Хосров и закричал на своего визиря:

— Я — великий шах великого государства, а не землевладелец, измазанный в глине. Что же, ты хочешь заставить меня взять в руки кетмень и копать землю. Не будет этого.

Хитро улыбнулся визирь и дал Хосрову совет.

Отправил тогда Хосров в Беговат послов. Прибыли они во дворец к Гульчехре. Не шумели они, не грозили войной. Лъстивы и подобострастны были их улыбки. Низко, до самой земли кланялись они.

— Наш шах,— сказали они,— хотел только испытать мужество беговатцев. И он передает свое уважение и восхищение. Не хочет влюбленный Хосров силой добиваться благосклонности красавицы Ширин. Нет. Слышал Хосров, что прелестная Ширин станет женой того, кто первый повернет реку Сыр-Дарью в Голодную степь. Так ли это?

Тогда встала Ширин, опустила стыдливо свои прекрасные глаза и сказала одно только слово:

- Да.

Поклонились послы и скромно удалились.

Скоро прибыл во дворец в сопровождении пышной свиты сам шах Хосров.

— О сладчайшая из принцесс,— сказал он,— я берусь выполнить твоё желание.

Сегодня же ночью Сыр-Дарья потечет на сухие земли Голодной степи.

Удивилась Ширин. Больно стало у нее на душе, ибо красота и мужество Фархада глубоко ранили ее в самое сердце. Вышла она поспешно со своими прислужницами из зала, где Гульчехра принимала Хосрова, и побежала в свои покои.

Велела Ширин собрать гонцов и приказала бежать им во все стороны, останавливаться у каждой хижины, у каждой юрты, у каждого дома и бить в барабаны и объявлять:

— Люди, кто повернет сегодня Сыр-Дарью в Голодную степь, тот получит руку принцессы Ширин.

Побежали гонцы во все стороны, разнося эту весть.

Услышал зов глашатаев Фархад, схватил свой кетмень и бросился к каналу. Задрожала, зашаталась гора под могучими ударами кетменя, полетели камни, перегораживая течение буйной реки.

Тысячи людей сбегались смотреть на богатыря Фархада, тысячи людей бросились помогать Фархаду в его благородном деле.

А во дворце Гульчехра устроила в честь шаха Хосрова пир. Наступила ночь. В пиршествующий зал проскользнул визирь Хосрова и шепнул что-то на ухо своему повелителю. Тогда поднялся Хосров и, поклонившись Гульчехре, сказал:

— О мудрая Гульчехра, желание твоей племянницы, прелестной Ширин, исполнено. Вода течет в степь.

Все бросились на крышу дворца.

И Ширин увидела, как вдалеке блестела луна в чистом, прозрачном зеркале воды. О ней так мечтал народ. И вот вода была.

Еще ниже поклонился Хосров:

— О Ширин, выполняй свое обещание.

Почему так больно сжалось сердце Ширин? «О Фархад, где ты?»— думала Ширин. В безумной тоске хотела она броситься вниз на камни. Но ведь она дала обещание. Если она разобьется и погибнет, то Хосров будет мстить. От города он не оставит камня на камне, а народ истребит.

Не знала Ширин того, что в степи блестела под лучами луны не вода, то отражался свет в глянцевых тростниковых циновках, расставленных длинной полосой на земле и в степи по приказу хитроумного визиря.

Начался свадебный пир.

Подобно круглой луне на темном небе, блестела неслыханной красотой Ширин среди гостей Хосрова. На губах прекрасной невесты была улыбка, на глазах — слезы. Сердце красавицы билось и рвалось на волю, туда, куда звала его любовь. «Найти, найти его»,— рыдало сердце.

Вопили карнаи, бубны, барабаны. Ломился от яств стол: плов, лагман, кадоб, целиком изжаренные бараны, шурпа, вино, орехи, конфеты — всего было в

изобилии.

Так стала Ширин женой Хосрова.

Настало утро. Ночной мираж растаял вместе с предрассветной мглой. Ширин и люди увидели, что воды нет.

Бросились люди на обманщика Хосрова, но он только смеялся, окруженный сильными воинами.

Проливала слезы безутешная, обманутая Ширин.

Всю ночь не покладая рук работал Фархад. Могучим своим кетменем он ломал скалы и бросал в реку, но поток уносил их с собой. Разозлившись, Фархад схватил гору, поднатужился и сдвинул ее с места.

Запел Фархад песню о красавице Ширин, о счастье, о любви.

Еще одно усилие — и река остановит свой бег!

Тогда Фархад спросил:

— Где же Ширин? Пусть придет взглянуть на труд мой!

Опустив головы, все молчали. Молчал и друг Фархада Шапур.

Только ветер уныло прошумел:

— Фархад, Фархад, стала Ширин женой Хосрова. Он обманул ее, она не любит его!

Но потрясенному черной вестью Фархаду послышалось, что ветер говорит:

«Любит, любит Хосрова».

Не стал больше Фархад слушать, что говорит ему ветер. Он слышал только, как сердце ему шептало: «Зачем петь, тебе, Фархад,—соловей поет не тебе. Зачем смотреть тебе, Фархад,— глаза прекрасной смотрят не на тебя. Зачем дышать тебе, Фархад,—розы благоухают в другом саду».

В безумном горе бросился Фархад к городу. На стене его стояла Ширин, обливаясь слезами.

Увидел Фархад свою любимую, рванулся к ней, но между ними мчалась бурная Сыр-Дарья. Протянул Фархад к красавице Ширин руки и окаменел от горя.

Рванулась Ширин к Фархаду, проливая потоки слез, и превратилась в кристально прозрачную речку.

Так и стоит до наших дней близ Беговата на берегу Сыр-Дарьи могучий утес Фархад, а навстречу ему в глубокой долине струятся тихие слезы красавицы Ширин.